

В. М. Бурла

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Феноменология идентичности в социально-политических и конституционно-правовых исследованиях

Резюме. Категория «идентичность» мигрировала в понятийный аппарат юриспруденции, в том числе конституционно-правовой науки, из других социально-гуманитарных направлений. В этой связи в основной части статьи автор последовательно раскрывает грани феномена идентичности в рамках четырех блоков: 1) социально-антропологического; 2) национально-политического; 3) правовой действительности (через синонимический ряд: «правовой стиль», «правовая культура», «правовая память»); 4) доктрины конституционной идентичности как метауровня онтологического и институционального (позитивированного) бытия идентичности в праве. Отмечается многоплановая смысловая дихотомия идентичности в правовых исследованиях: как состояния уникальности (самобытности) и тождественности (общности); как результата субъективного самоопределения (рефлексивно-иррационального акта) и каталога объективистских параметров государственно-политической, нормативно-правовой систем; как продукта синергии классического позитивизма, универсальных правовых ценностей и национальной правовой культуры. В логике интерференции и дифракции множества смыслов конституционная идентичность, по мнению автора, с одной стороны, обнаруживается в нормативном ядре системообразующих конституционных ценностей, дефиниция которых предложена в статье, с другой — может быть представлена как квинтэссенция правовых и внеправовых факторов, определяющих национальный конституционный правопорядок в конкретный исторический период. Доктрина конституционной идентичности, таким образом, интегрирует несколько взаимопроникающих уровней: аксиологический, национальный, нормативный.

Ключевые слова: конституционная идентичность; национальная идентичность; правовая идентичность; конституционные ценности; конституционный правопорядок; конституционная традиция; конституция; правовой стиль; правовая культура; правовая память

Для цитирования: Бурла В. М. Феноменология идентичности в социально-политических и конституционно-правовых исследованиях. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 95–107. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.095-107

Phenomenology of Identity in Socio-Political and Constitutional Legal Studies

Victoria M. Burla

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The category of «identity» has migrated into the conceptual framework of jurisprudence, including constitutional law from other social sciences and humanities. In this regard, the main part of the paper consistently explores the facets of the phenomenon of identity within the framework of four blocks: 1) in socio-

anthropological and 2) national-political aspects, 3) considers identity as a phenomenon of legal reality through a synonymous series («legal style», «legal culture», «legal memory»), 4) explores the doctrine of constitutional identity as a kind of meta-level of ontological and institutional (positivized) existence of identity in law. The multidimensional semantic dichotomy of identity in legal studies is noted: as a state of uniqueness (distinct identity) and sameness (community); as a result of subjective self-determination (reflexive irrational act) and a catalog of objectivist parameters of state political, regulatory and legal systems; as a product of the synergy of classical positivism, universal legal values and national legal culture. According to the author, in the logic of interference and diffraction of multiple meanings, constitutional identity, on the one hand, is found in a kind of normative «core» of system-forming constitutional values, the definition of which is proposed in the paper. On the other hand, it can be presented as the quintessence of legal and extralegal factors that determine the national constitutional order in a particular historical period. The doctrine of constitutional identity thus integrates several interpenetrating levels: axiological, national, and normative.

Keywords: constitutional identity; national identity; legal identity; constitutional values; constitutional order; constitutional tradition; constitution; legal style; legal culture; legal memory

Cite as: Burla VM. Phenomenology of Identity in Socio-Political and Constitutional Legal Studies. *Lex russica*. 2025;78(9):95-107. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.095-107

Введение

Лексемы «национальная идентичность», «правовая идентичность», «конституционная идентичность» глубоко проникли в терминологический аппарат юридических наук. Полезно произвести всемерный анализ многогранного понятия «идентичность», мультидисциплинарного, мигрировавшего в конституционное право из психологии, антропологии через культурологию, социологию, философию права.

Развивая предложенную Большой российской энциклопедией классификацию идентичностей в зависимости от уровня¹, можно представить идентичность в категориях и институтах российского конституционного права: *гражданскую* (интеграция на макроуровне как устойчивая правовая связь лица с государством); *локальную* (когда речь идет об осуществлении местного самоуправления на территории конкретного муниципального образования с учетом исторических и иных местных традиций); *региональную* (особенности организации публичной власти в определенном виде субъекта (например, республика) или на определенной территории (например, федеральный округ)); *общегосударственную* (позиционирование России на международной арене, а также правовое позитивирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей внутри страны).

Таким образом, термин релевантен при характеристике как индивида, так и социальной

(этнической) группы, общества (народа) в целом, наконец, государства. Утрата идентичности в случае с индивидом приводит к аномии, деперсонализации; разрушение идентичности на уровне социальной группы влечет прекращение ее существования. Каковы последствия гипотетической утраты идентичности народом, государством и возможно ли это практически? Ответ на этот вопрос зависит от методологии и целеполагания исследования феномена идентичности, его конечного смыслового наполнения.

Идентичность — явление многослойное, и, прежде чем рассматривать его как феномен правовой действительности и объект внимания ученых-конституционалистов, обратимся к первоосновам: антрополого-психологическому и социокультурному уровням. Далее разберем идентичность в чувствительном национально-политическом контексте, затем в рамках философии и теории права и, наконец, в конституционно-правовой материи, которая интегрирует различные грани понимания идентичности и предлагает метауровень онтологического и институционального (позитивированного) бытия идентичности в праве.

Идентичность в человеческом измерении (антропологический и социальный аспекты)

Несмотря на то что в настоящее время превалирует понимание термина «идентичность» в зна-

¹ Леонтьев Д. А., Савельева О. О. Идентичность // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 695.

чении самобытности, особенности, лексема «идентичность» происходит от средневекового латинского *identicus*, т.е. «тождественный», «одинаковый». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (т. XIII (24), с. 798), не раскрывая сути «идентичности», советует обратиться к слову «тождество»². Приходится согласиться с тем, что «индивидуальность» и «идентичность» — антонимы³, и, хотя для обозначения особенности, своеобразия, специфичности корректно использовать слово «индивидуальность», именно термин «идентичность» инспирирует понятия с корнем «сам», подчеркивающие уникальность и субъектность: *самобытность, самоопределение, самосознание, самостоятельность*. Одновременно «идентичность» указывает на некий набор устойчивых характеристик, позволяющих установить связь (принадлежность) явления к определенному классу (идентифицировать).

Замечательно о рассматриваемой дихотомии писал Поль Рикёр, утверждавший, что «тождественность есть понятие, выражающее отношение и отношение отношений»⁴. Автор указывал на существование двух идентичностей: *числовой*, когда речь идет о тождественности вещи самой себе (вещь в данном случае существует в единственном числе, а идентичность означает единственность), и *качественной*, которой имманентно значение множественности, поскольку в этом смысле идентичность указывает на предельное сходство и даже взаимозаменяемость явлений при соблюдении *salva veritate* (с сохранением истины).

На первом, психолого-антропологическом, плане «идентичность» означает «осознание принадлежности субъекта другому субъекту как части и целого, особенного и всеобщего»⁵. Так что, если идентичность есть тождественность, то *идентификация* — своего рода рефлексия на предмет устойчивости собственных характери-

стик индивида и группы, процесс интенсивного (вглубь, рефлексия-в-себя, по Г. Гегелю) и экстенсивного (вширь, рефлексия-в-другое) самоопределения.

Отметим, что привычное юристам восприятие идентичности как некоей априорности мира вещей и явлений, стоит принципиально заменить на субстантивное. Речь о том, что в специальной литературе по антропологии и культурологии выражается в формуле: «человеческую идентичность... следует рассматривать не в качестве *субстрата* (т.е. как нечто изначально данное, определенное, застывшее в своих формах), а в качестве *субстанции* (т.е. как нечто самоопределяющееся, находящееся в постоянном движении, изменении)»⁶.

Так или иначе, идентичность индивида в экзистенциальном изводе есть результат сравнения себя с другими, апробации своей социальной роли, поиск самооснования («кто я?») для реализации призвания⁷.

Социальная идентичность — результат самоидентификации индивида посредством самоотнесения и самоотождествления с социальными образцами (группами, ролями, статусами), в конечном счете это способность остаться собой, одновременно обнаруживая общность с социальными группами (этническими, религиозными, профессиональными и т.д.), которые воспринимаются как «свои». В социологических трудах предлагается трактовать, например, социально-национальную идентичность как самоотождествление с определенной национальностью, «опираясь на факторы причастности к “Своим” и противопоставления с “Другими”»⁸. Издержками такой модели самопозиционирования нации в межкультурной коммуникации нередко становится противопоставление идеализированного образа «наших» и сконструированных по образу врага «ненаших», и

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII (24) : Земпер — Имидокислоты // Электронная библиотека «Руниверс». URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10155/> (дата обращения: 21.11.2024).

³ Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196.

⁴ Рикёр П. Я — сам как другой : пер. с франц. М., 2008. С. 145.

⁵ Шокуева О. А., Кочесокова М. М., Абазова Д. А. Современные трансформации социокультурной идентичности в России // *Nauka.me*. 2021. № 4. С. 85–88.

⁶ Культурная идентичность : учеб. пособие / под ред. Я. С. Иващенко. Новосибирск, 2023. С. 11.

⁷ Об этом см., например: Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984 ; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М., 2006.

⁸ Лапшов В. А. Социально-национальная идентичность в условиях глобализации: теоретические основы социологического исследования // Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей. М., 2014. С. 91.

в этом аспекте затрагивается более глубокий слой национальной идентичности, о чем речь пойдет далее.

Подытоживая, отметим, что антрополого-психологические исследования подарили научному дискурсу дихотомию идентичности как тождества и самобытности, как индивидуализма и коммунитаризма, как акта рационального и вместе с тем ценностно-рефлексивного, параллельно обогатив понятийно-категориальный аппарат социогуманитарных наук синонимическим рядом: «самобытность», «идентификация», «самосознание», «самотождественность», «автономия» и пр.

Любопытно, что движение феномена идентичности от самобытности к тождественности (и в обратном порядке) можно наблюдать и в национально-культурном дискурсе, и в междисциплинарных исследованиях, и в трудах ученых-конституционалистов.

Национальная идентичность: острые грани чувствительного дискурса

Феномен национальной идентичности связан с государственной и общественно-политической жизнью, а потому концептуализирован в *политологии* как акт ценностной и рациональной рефлексии, благодаря которой соизмеряются цели и средства политической деятельности. Он также рассматривается в *социологическом аспекте* чаще всего в контексте коммуникативных действий как проблемная область, в которой надлежит найти такие формы взаимодействия различных акторов, которые приведут к взаимному пониманию и конструктивному результату. В *государствоведении* национальная идентичность соприкасается с национальным, народным, государственным суверенитетом⁹.

Исследование феноменологии идентичности социальными науками, начавшееся с середины XX в., было связано с зарождающейся глобализацией (и сопутствующим ей стиранием границ между различными этногеографическими группами), процессами миграции (и, как следствие, культурно-языковой ассимиляцией

этносов), а также нарастающей потребностью малых общностей к автономизации (запрос на самоопределение небольших этносов и создание национальных автономий, в том числе политико-территориального типа) в условиях мультикультурализма и толерантности. Этим обосновано движение к формулированию и прокламации национальной идентичности в значении самобытности как посыла глобальному миру от наций, народов, государств «Мы есть!».

Безусловно, глобализация расширяет возможности развития обществ и государств, однако национальная идентичность «как свойство сохранять целостность своей нации и осознавать принадлежность к ней в условиях нестабильности становится одним из важнейших факторов реализации социального потенциала»¹⁰. Иными словами, сохранение национальной идентичности есть условие выживания, самовоспроизводства и развития национальных и государственно-организованных обществ.

В этой плоскости национальная идентичность тесно сопряжена с культурной идентичностью в коллективном измерении (выделяют также индивидуальную культурную идентичность) как процессом и результатом саморефлексии общности (этноса, нации, народа). Замечено, что культурная идентичность в хронологии человеческих сообществ проходит несколько стадий: от *монокультурной* (интракультурной), *мультикультурной* (поликультурной) к *межкультурной* (транскультурной или глобальной) идентичности¹¹. Очевидно, в результате трансформации в контексте глобализации коллективная культурная идентичность как бы утрачивает национальную составляющую. Закономерно, что сегодня мультикультуральность постмодерна воспринимается конкретным государственно-организованным сообществом как вызов своей идентичности и угроза существованию.

Возникает запрос на четкую артикуляцию цивилизационного выбора, утверждение национального фактора. В конституционно-правовом измерении это, в частности, выражается в ретрадиционализации общегосударственных приоритетов, стремлении официально зафиксировать позиции национальной культуры как

⁹ Деникина З. Д. Национальная идентичность как предмет междисциплинарного анализа // Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей. М., 2014. С. 55–56.

¹⁰ Лапшов В. А. Указ. соч. С. 87.

¹¹ Му Чэнбинь. Культурная идентичность и генезис межкультурной идентичности в условиях глобализации: магистерская диссертация. М. : НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/ma/lc/students/diplomas/page4.html/366978591> (дата обращения: 23.11.2024).

исторического достижения и охраняемой конституционной ценности. С такой интенцией в 2020 г. в Конституцию РФ были внесены дополнения о культуре как уникальном наследии многонационального народа России (ч. 4 ст. 68), о культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, а также о сохранении общероссийской культурной идентичности (ч. 2 и 3 ст. 69). Однако воплощение артикулированных идей на практике не может быть представлено как линейный однородный процесс, поскольку Россия «представляет собой мозаичное пространство, предоставляющее множество вариантов идентификационных стратегий»¹², а концептуализация политико-национальной идентичности может происходить по одному или сразу по нескольким сценариям. Так, З. Жаде и А. Шадже предлагают четыре дискурса в поиске идентичности: гражданской нации, этнонационализма, имперского (или державного) и цивилизационного¹³, но, очевидно, могут быть и другие подходы, например в контексте религиозного (православного, исламского, буддийского) фундаментализма, либерально-демократического возрождения и т.д.

В самом деле идентичность является в дискурсе, представляя собой не данность, а результат осмысления, говорения и действия. Раскрываясь в процессе рефлексии и публичной дискуссии, национальная идентичность часто облекается в форму национальной идеи, связанной с эффектом национального самосознания, монологичным и субъективно-оценочным по сути. И здесь неизбежен выход в плоскость полемики о национальной (государственной) идеологии или, чтобы исключить романтизацию, о «субъективном предпочтении определенного типа политической власти»¹⁴.

Второй вектор, помимо идейного и идеологического, дискуссии о национальной идентичности — тема патриотизма. Спекулятивность рассуждений по мотивам любви к Родине приводит к подмене патриотического мироощущения как деятельного устремления к реализации пожелания лучшей судьбы своему Отечеству единомыслием, основанным

на преданности властным элитам. По нашему глубокому убеждению, истинный патриотизм выражается в объективном и нелицеприятном анализе проблем общественно-государственного бытия ради поиска эффективных решений по их преодолению, патриотизм — это социально-идейная платформа для совершенствования условий жизни народа своей страны. Однако в эмоциональном плане эта тема сочетается с ультраправыми идеями, яркими психоэмоциональными актами и практически нереализуемыми потенциальными, когда *проживание национальной идентичности*, которое выражено в чувстве гордости, восхищении подвигом народа, ощущении причастности к величию страны, в актуальной реальности остается бесплодным, самодостаточным на уровне обряда («Я помню, я горжусь»), не обнаруживая пассионарную форму благого действия («Делаю всё зависящее от себя здесь и сейчас, чтобы моей стране и ее народу было хорошо»).

В этом национально-политическом разрезе идентичность является крайне чувствительной темой, поскольку ее составляют ядерные иррациональные убеждения социальных групп и властных элит; более того, концепт национальной идентичности (патриотизма) в информационном пространстве нередко используется как средство навязчивой индоктринации, грубой пропаганды, иных политтехнологических манипуляций.

Избегая нисхождения к подобной риторике, обратимся к исследованиям, предлагающим рассматривать национальную идентичность по правилам науки, а не в стилистике экзальтированных чувств.

В литературе отмечаются *два аспекта национальной идентичности*: этнический и общегражданский. В первом случае она выступает как состояние самоощущения и осознания индивида себя членом определенной этнической, языковой, религиозной группы в конкретной культуре, во втором — речь идет скорее о политической идентичности, об осознании принадлежности к стране (факторы «крови» и «почвы»), о признании правильности внешней политики своего государства и адекватности его

¹² Жаде З. А., Шадже А. М. Основы политико-правовой идентичности россиян и конституционные ценности: концептуальный анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». 2012. Вып. 2.

¹³ Жаде З. А., Шадже А. М. Указ. соч.

¹⁴ Деникина З. Д. Указ. соч. С. 55.

внутренней социально-политической и экономической системы¹⁵. Полагаем, что феномен национальной идентичности в первом смысле получает закрепление в законодательстве РФ о гражданстве, прежде всего в нормах о порядке натурализации как результате добровольного и осознанного выбора по самоидентификации лица с культурой, историей, традициями России, тогда как во втором — в документах стратегического планирования в терминах: «общероссийская гражданская идентичность»¹⁶, «общероссийская культурная идентичность»¹⁷, «культурно-ценностный суверенитет»¹⁸.

Научная и практическая проблематизация национальной идентичности обусловлена рядом факторов: во-первых, национальная самоидентификация индивида часто следует за национальной идентичностью родителей, соответственно, усложняется в этнически неоднородном браке (любопытно эта дихотомичность решается законодательством РФ о гражданстве в части норм о филиации, однако право не может разрешить ее на уровне самоощущения лица); во-вторых, в полинациональных государствах, к числу которых, безусловно, принадлежит Российская Федерация, формирование единой и монолитной национальной идентичности (как вариант, в парадигме «мы — русские») затрудняется, в особенности когда речь идет о представителях национальных республик — носителях иных, чем русский, языков народов Российской Федерации, национально-культурных автономиях, коренных малочисленных народов, национальных меньшинствах. Неслучайно правовой статус соответствующих категорий субъектов урегулирован отдельными федеральными законодательными актами, а конституционная поправка 2020 г. о русском как языке государствообразующего народа подверглась справедливой критике. Соли-

дарны, что упомянутая «поправка превращает автора Конституции — «многонациональный народ» в «многонациональный союз народов», среди которых при формальном равноправии есть главный — «государствообразующий»»¹⁹. Неужели проживающие в России «еще более ста «государствонеобразующих народов», для которых родным является другой язык и которые составляют сегодня свыше четверти населения страны»²⁰, не внесли вклад в построение современной российской государственности? Очевидны искусственность, научная необоснованность и практическая вредность такого разделения внутри конвенционального понятия «многонациональный народ России» в условиях потенциальной социальной нестабильности и межнациональных конфликтов.

Изложенное обращает к выводу о чувствительности темы национальной идентичности, которая не терпит ни абсолютизации, приводящей к национализму, ни умаления, итогом которого становятся гражданские конфликты, правовая дискриминация и разобщение народа как единого источника власти и носителя суверенитета.

Правовая идентичность: правовой стиль, правовая культура, правовая память

В этой части мы входим в контекст философии и теории права. И, стремясь детерминировать правовую идентичность, неизбежно попадаем в пространство богатого синонимического ряда. Правовая идентичность в значении идентичности коллективного субъекта права или идентичности национальной правовой системы может быть описана терминами:

а) «правовой стиль», так как стиль «во-первых, характерен; во-вторых, своеобразен,

¹⁵ Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011. С. 24.

¹⁶ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. 09.11.2022.

¹⁷ Указ Президента РФ от 02.06.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. 07.05.2024.

¹⁹ Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М., 2020. С. 8.

²⁰ Ачкасов В. А. Зачем русским статус «государствообразующего народа»? // Политическая экспертиза: Политэкс. 2022. Т. 18. № 2. С. 215.

в-третьих, соотносится с определенной манерой, модальностью, модой»²¹. Правовой стиль может служить основой классификации правовых систем. Это, например, предлагал К. Цвайгер с учетом ряда аспектов, наполняющих феномен правового стиля: «1) историческое происхождение и развитие правовой системы; 2) господствующая доктрина юридической мысли и ее специфика; 3) выделяющиеся своим своеобразием правовые институты; 4) правовые источники и методы их толкования; 5) идеологические факторы»²²;

б) «правовая культура», которая может быть понята в значении совокупности «представлений о должном образе права, перспективе и оптимальных путях его развития, возможностях государственного реформирования»²³. Очевидно, этот образ инспирирован культурно-национальными достижениями в области права в процессе его создания (уникальные для конкретной общности памятники права), применения (обычай, традиции), развития представлений о его сущности, назначении (характерные для публичного дискурса правовые и политические учения). Существует точка зрения, что именно правовая культура, проявления которой зависят от присущих отдельным группам обществ исторических путей становления и развития, религиозных основ, характеров социального поведения, является ключевым критерием объединения правовых систем в правовые семьи²⁴;

в) «правовая память», теснейшим образом переплетенная с представлениями о системной многоуровневой преемственности: на уровне источников права, на уровне правосознания и государственно-правовых теорий, на уровне социально-правовых паттернов: «норм, моделей, образцов правовой культуры, сознания, поведения различных субъектов общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение»²⁵.

Правовая идентичность как совокупность доминантных признаков, позволяющих установить в продолжительном континууме не только уникальность, но и тождественность правовой системы того или иного государства самой себе, имманентно связана с понятиями правовой традиции и правовой преемственности. Стиль, культура, память как различные смысловые грани феномена правовой идентичности отражают пролонгированную в поколениях приверженность юридического образования, профессионального сообщества юристов, институтов общества и государства определенным стереотипным моделям, мотивациям и целеполаганию юридически значимой деятельности (просветительской, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной). Преемственность в праве — это связь между этапами развития права, состоящая в сохранении части элементов системы права²⁶, причем, по нашему убеждению, правовая преемственность касается сохранения не любых, а именно корневых (ядерных) элементов правовой системы. Только в этом случае можно говорить о некоей традиции, самобытной культуре и стиле, правовой памяти.

Сложно дать адекватную характеристику российской правовой идентичности, что обусловлено не только объективными факторами, влияющими на становление правовой системы, многие из которых носят внеправовой характер (религиозные, идеологические, политико- и экономико-географические и пр.), но и главным образом дискретностью российской истории, ее реактивностью и, как правило, исторически революционным переходом от одних правовых форм и практик к другим. Так, практически невозможно обнаружить ядерную (корневую) общность правовых моделей, правосознания, правовой культуры между большими историческими отрезками: от Киевской Руси (древнерусское право развивалось в русле европейской

²¹ Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры. М., 2004. С. 804.

²² Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. : пер. с нем. М., 2000. Т. 1 : Основы. С. 108–117.

²³ Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. С. 33.

²⁴ Медушевский А. Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М., 2014. С. 7.

²⁵ Рыбаков О. Ю. Указ. соч. С. 36.

²⁶ Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7 (127). С. 42.

традиции и характеризовалось господством обычного права)²⁷ через многовековую неравномерность к праву советского периода, когда работал принцип приоритета ультралевого идеологии над правом *per se*, и, наконец, к признанной в начале 1990-х гг. либерально-демократической парадигме с логичным вхождением в Совет Европы в 1996 г., а затем к достаточно резкому отказу от восприятия в качестве эталона европейской модели (закономерный итог — выход из юрисдикции Совета Европы в 2022 г.) и новой попытке переучреждения России уже в фарватере традиционных духовно-нравственных ценностей. При исследовании российского права в столь широком временном охвате безусловно вести речь о преемственности, фундировании русской (российской) правовой традиции, наращивании монолитной правовой памяти и оттачивании узнаваемого стиля.

Может ли быть концептуально выражена правовая идентичность государства Российского? Едва ли эта задача имеет одно решение. Однако, если ядерное, системообразующее «лицо» правовой идентичности существует, его следует искать в конституционно-правовой материи.

«Конституционная идентичность» — системная метакатегория

В контексте правовой идентичности противостояние национальной и межкультурной (глобальной) идентичностей проявилось через конкуренцию международного права и суверенной юрисдикции государства. На стыке национального и международного права в их взаимодействии зародилась доктрина конституционной идентичности, которая подлежит исследованию и как правовое, и как социокультурное, и как национально обусловленное явление.

Возвращаясь к исходной посылке о смысловой дихотомии внутри понятия «идентичность», отметим, что в юридической литературе сложились две противоречивые тенденции

при исследовании конституционной идентичности: с одной стороны, в русле уникальности истории государства, культуры народа и национальной правовой традиции (идентичность как самость)²⁸, с другой — в значении системы ценностных установок, характеризующих принадлежность к определенной конституционной модели, как своеобразных «выстраданных переживаний» опыта развития наций²⁹, одновременно отражающих протоконституционное и конституционное (идентичность как общность). Так, оперируя понятием «конституционная идентичность» применительно к раннему периоду конституционного развития постсоветских государств, мы имеем в виду стилистику конституций четвертого поколения, создававшихся в либерально-демократической парадигме конституционализма и воплотивших европейскую конституционную модель³⁰. Констатируем сходство системы ценностей в первых редакциях конституций стран — членов СНГ, которые принимались в первой половине 1990-х гг.

Неудивительно, что используемые в качестве тождественных понятия «национальная идентичность» и «конституционная идентичность» представляют собой противоположные грани исследуемой категории: если национальная идентичность есть самобытность, то конституционная идентичность скорее каталог правовых ценностей, интегрированных в конституционные тексты. Причина тому — Маастрихтский и Лиссабонский договоры (от 07.02.1992 и от 13.12.2007 соответственно), согласно которым Европейский Союз должен уважать (*shall respect*) национальные идентичности (*national identities*) государств-членов, притом что здесь подразумеваются прежде всего конституционные ценности и формализованные в национальном праве элементы конституционных правопорядков.

Компромиссной является синтетическая формула «национальная конституционная идентичность», к которой прибегает Федеральный конституционный суд ФРГ. В данном

²⁷ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 15.

²⁸ См., например: Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма: монография. М., 2020. С. 134.

²⁹ Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3. С. 39.

³⁰ Подробнее о европейской конституционной модели см.: Дудко И. Г., Гагаева Е. А. Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы: монография. М., 2013. С. 15–19.

случае учитывается, что конституционная идентичность «формируется частично против национальной идентичности и частично в соответствии с ней»³¹, т.е. интегрирует как стандарты европейского конституционного наследия, так и внутригосударственные и культурно-национальные особенности. К слову, синергия двух граней (тождественности и специфичности) самоопределения многонационального народа заключена в преамбуле Конституции РФ 1993 г., где корневая самобытность подчеркивается данью памяти предков, общей судьбой на своей земле и исторически сложившимся государственным единством, а отождествление с прогрессивным человечеством выражено через осознание себя частью мирового сообщества и солидарность с общепризнанными принципами и универсальными ценностями (добро, справедливость, благополучие).

Конституционная идентичность играет роль иммунитета правовой системы государства, который призван дать адекватную защиту национальным приоритетам, целям и принципам, закрепленным в конституции, от экспансивного международного влияния, а потому рождение концепции конституционной идентичности в национальной правовой системе почти всегда является ответом на конфликт юрисдикций (национальной и международной; националь-

ной и европейской)³². Так было во Франции с принятием Конституционным советом решения от 26.07.2006 № 2006-540³³ и в Германии, когда Федеральный конституционный суд стал использовать так называемый *identity control* и механизм *ultra vires*. В отечественной практике концепция «конституционная идентичность» получила начало в решениях Конституционного Суда РФ³⁴. Суд неоднократно³⁵ постулировал, что взаимодействие наднационального (европейского конвенционного) и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, акцентируя необходимость уважения национальной конституционной идентичности. Именно в правовых позициях Суда конституционная идентичность получает правовые основания, выступает в качестве системы аргументов и оказывает реальное воздействие на правовую систему в целом.

Кроме того, наряду с восприятием конституционной идентичности как ценностно и идейно наполненной категории в науке предлагается понятие с конкретным позитивным содержанием «*идентичность конституции*», обозначающее своего рода жесткое нормативное ядро конституционного документа, защищенное формальными и материальными пределами преобразования конституции³⁶. В этом смысле конституционную идентичность формируют

³¹ Rosenfeld M. The identity of the constitutional subject: selfhood, citizenship, culture and community. London ; New York, 2010. P. 12.

³² Белослудцев О. С. Конституционная идентичность в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. С. 11.

³³ Conseil constitutionnel. Décision No. 2006-540 DC du 27 juillet 2006. Loi relative au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2006/2006540DC.htm> (дата обращения: 25.11.2024). § 19.

³⁴ Первым из них стало постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658).

³⁵ Впервые в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО ‘Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866).

³⁶ Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2020. № 4. С. 22.

«особо защищенные части конституционного текста, составляющие системообразующее ядро национального конституционного порядка»³⁷.

На наш взгляд, конституционная идентичность представляет квинтэссенцию черт и признаков, определяющих конституционный правопорядок в конкретный исторический период. При этом конституционная идентичность обусловлена и внеправовыми факторами, к числу которых относятся культурные, этнонациональные, исторические, экономические факторы, удачно называемые в литературе «комплектуемыми государственной идентичности»³⁸. Вместе с тем конституционная идентичность заключена в жестком ядре системообразующих конституционных ценностей, под которыми предлагаем понимать базисные (первоосновные) ценности, составляющие ядро системы конституционных ценностей, определяющие цели и приоритеты, а также основополагающие принципы организации и деятельности общества и государства во всех сферах жизни (политической; социально-экономической и духовно-нравственной). Применительно к российской конституционной идентичности они содержатся в гл. 1 Конституции РФ об основах конституционного строя.

С одной стороны, сквозь оптику рационального позитивизма формальные пределы изменения конституции, а именно особый юридический статус ценностно-наполненных норм первой главы, не изменяемой иначе как в порядке пересмотра всей Конституции РФ, являются убедительным доказательством ядерного потенциала для конституционной идентичности России системообразующих конституционных ценностей. С другой — это ядро в одних аспектах было размыто, в иных уточнено и видоизменено рядом ценностно-нормативных положений иных глав Конституции РФ, дополненных параметрами национальной идентичности в результате реформы 2020 г. (ч. 2.1 ст. 67, ст. 67.1, ч. 1 и 4 ст. 68, ч. 2 и 3 ст. 69, п. «в» ч. 1 ст. 114). Конструкция российской конституционной идентичности, таким образом, в текущий исторический момент пребывает в динамиче-

ском построении и не лишена идейных противоречий.

Конституционная реформа и принятые в едином с ней ключе документы стратегического характера, упоминавшиеся во втором блоке основной части нашей статьи, как и пятилетняя дискуссия вокруг них, позволяют сделать вывод, что Россия совершает разворот в сторону национализации и традиционализации конституционной идентичности, и масштабные поправки 2020 г., как кажется, лишь служат трамплином к новой редакции конституционного документа, который системно зафиксирует обновленную идентичность страны. При этом принятие новой конституции хронологически не всегда совпадает с трансформацией конституционной идентичности. Идентичность государственно-организованного общества трансформируется поступательно во времени, и лишь резкая смена политического режима, сопровождаемая переменой в цивилизационном выборе страны, ведет к кардинальному обновлению конституционной идентичности.

Заключение

Идентичность — явление многомерное, и если в социально-антропологическом изводе оно связано прежде всего с самоопределением и самопозиционированием субъекта, то в политико-правовом измерении стремится к объективистским параметрам государственно-политической, нормативно-правовой систем, хотя и не исключает аксиологической составляющей, что подчеркивает соответствующий понятийный ряд («стиль», «память», «традиции», «ценности», «культура»).

В любом из рассмотренных разрезов идентичность как результат идентификации содержит дихотомию тождества и самобытности, индивидуализма и коммунитаризма, акта логико-дискурсивного и вместе с тем иррационально-рефлексивного.

В правовых исследованиях мы также наблюдаем интерференцию и дифракцию смыслов. Правовая идентичность обоснованно детер-

³⁷ См.: Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство: культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конференция, 1 декабря 2017 г. СПб., 2017. С. 24.

³⁸ Барциц И. Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. М., 2020. С. 40.

минируется как «качество субъекта права, характеризующее его актуальное состояние посредством юридического самоопределения в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, воспринимаемых как правовые ценности, обеспечивающие положительные правовое сознание и правовую активность»³⁹. Так и конституционная идентичность является не только продуктом классического позитивизма (в контексте теории «конституционного ядра»), но и результатом развития правосознания, конституционной традиции, правовой культуры, имплементации идей конституционализма в конституционные положения и их реализации.

Доктрина конституционной идентичности, таким образом, интегрирует несколько взаимопроницающих уровней: аксиологический (уровень социальных (в том числе общечеловеческих) ценностей, правовой культуры, правовой традиции), национальный (уровень суверенной юрисдикции, правовых режимов автономий, соотношения национального и международного права), нормативный (уровень конкретного позитивного содержания конституции, частей текста, образующих ядро конституционного правопорядка, процедуры преобразования и пересмотра ядерных и иных положений конституции).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.

Ачкасов В. А. Зачем русским статус «государствообразующего народа»? // Политическая экспертиза: Политэкс. 2022. Т. 18. № 2. С. 215–224.

Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма : монография. М. : Норма, 2020. 536 с.

Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М. : ЛУМ, 2020. 156 с.

Барциц И. Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. М. : Дело, РАНХиГС, 2020. 144 с.

Белослудцев О. С. Конституционная идентичность в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. 184 с.

Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Чумаков. М. : Проспект, 2014. 144 с.

Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство: культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конференция, 1 декабря 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 19–28.

Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3. С. 35–46.

Дудко И. Г., Гагаева Е. А. Влияние европейского конституционного права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 280 с.

Жаде З. А., Шадже А. М. Основы политико-правовой идентичности россиян и конституционные ценности: концептуальный анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». 2012. Вып. 2.

Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М. : ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.

Исаева Н. В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 454 с.

Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.

Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры : пер. с англ. М. : Росспэн, 2004. 1008 с.

Культурная идентичность : учеб. пособие / под ред. Я. С. Иващенко. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2023. 67 с.

Леонтьев Д. А., Савельева О. О. Идентичность // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / ред. Ю. С. Осипов. Т. 10. М. : Большая российская энциклопедия, 2008. С. 695–696.

³⁹ Исаева Н. В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 83.

- Медушевский А. Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М. : Либеральная Миссия, 2014. 136 с.
- Му Чэнбинь. Культурная идентичность и генезис межкультурной идентичности в условиях глобализации: магистерская диссертация. М. : НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/ma/ic/students/diplomas/page4.html/366978591>.
- Рикёр П. Я — сам как другой : пер. с франц. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
- Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7 (127). С. 42–48.
- Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. 44 с.
- Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. : пер. с нем. Т. 1 : Основы. М., 2000. 480 с.
- Шокуева О. А., Качесокова М. М., Абазова Д. А. Современные трансформации социокультурной идентичности в России // Наука.ме. 2021. № 4. С. 85–88.
- Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2020. № 4. С. 21–49.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIIA (24): Земпер — Имидокислоты // Электронная библиотека «Руниверс». URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10155/>.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М., 2006. 352 с.
- Rosenfeld M. The identity of the constitutional subject: selfhood, citizenship, culture and community. London ; New York, 2010.

REFERENCES

- Achkasov VA. Why do Russians need the status of a «state-forming people»? *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX*. 2022;18(2):215-224. (In Russ.).
- Anichkin ES, Ryakhovskaya TI. «Constitutional identity»: To the issue of narrowing down the term. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2019;446:196-201. (In Russ.).
- Baburin SN. The moral state: A Russian view on the values of constitutionalism. A monograph. Moscow: Norma Publ.; 2020. (In Russ.).
- Barenboim P, Mishina E. Lessons from the 2020 Constitutional crisis. Moscow: LUM Publ.; 2020. (In Russ.).
- Bartsits IH. Constitutional identity and international law: On the constitutionalization of international law and the internationalization of constitutional law. Moscow: RANHiGS Case Publ.; 2020. (In Russ.).
- Belosludtsev OS. Constitutional identity in the doctrine of constitutional law and the practice of constitutional justice bodies. Cand. Diss. (Law). Kazan; 2022. (In Russ.).
- Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Volume XIIA (24). Semper — Imidoacids. Runivers Electronic Library: Available at: <https://runivers.ru / lib/book3182/10155/>.
- Chumakov AN, editor. The issue of national identity in the context of globalization. Collection of scientific articles. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. (In Russ.).
- Dudko IG, Gagaeva EA. The impact of the European constitutional law on the constitutional law of Central and Eastern European States. A monograph. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2013. (In Russ.).
- Dudko IG. Modern concepts in Russian constitutional law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(3):35-46. (In Russ.).
- Erickson E. Identity: Youth and crisis. 2nd ed. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Gadzhiev GA. Constitutional identity and human rights in Russia. Law and the state: A cultural dimension. International Scientific and Practical Conference, December 1, 2017. St. Petersburg: SPbGUP Publ.; 2017. P. 19–28. (In Russ.).
- Identity as a subject of political analysis. Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (MEMO RAS, October 21–22, 2010). Moscow: IMEMO RAS Publ.; 2011. (In Russ.).
- Isaeva NV. Legal identity (theoretical and legal research). Dr. Diss. (Law). Moscow; 2014. (In Russ.).
- Ivashchenko YaS, editor. Cultural identity: A textbook. Novosibirsk: NSTU Publishing House; 2023. (In Russ.).
- Kon IS. In search of oneself: Personality and its self-awareness. Moscow; 1984. (In Russ.).

Kroeber AL. Selected works: The Nature of culture. Translated from English. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. (In Russ.).

Leontiev DA, Savelyeva OO. Identity. The Great Russian Encyclopedia: In 30 volumes. Osipov YuS, editor. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2008. Vol. 10. Pp. 695–696. (In Russ.).

Medushevsky AN. Is the Russian legal tradition a pillar or a barrier? Report and discussion. Moscow: Liberalnaya Missiya Publ.; 2014. (In Russ.).

Mu Chengbin. Cultural identity and the genesis of intercultural identity in the context of globalization. Master's thesis. Moscow: Higher School of Economics; 2020. Available at: <https://www.hse.ru/ma/lc/students/diplomas/page4.html/366978591>. (In Russ.).

Riceur P. Oneself as another. Translated from French. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 2008. (In Russ.).

Rosenfeld M. The identity of the constitutional subject: Selfhood, citizenship, culture and community. London; New York; 2010.

Rybakov OYu. Russian legal policy in the field of protection of individual rights and freedoms: Issues of theory. Dr. Diss. (Law). Author's abstract. Moscow; 2005. (In Russ.).

Rybakov VA. Continuity in law and the codification of law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2007;7(127):42-48. (In Russ.).

Shokuyeva OA, Kochesokova MM, Abazova DA. Modern transformations of socio-cultural identity in Russia. *Nauka.me*. 2021;4:85-88. (In Russ.).

Shustrov DG. Constitutional identity and constitutional amendment. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2020;4:21-49. (In Russ.).

Zhade ZA, Shadzhe AM. Fundamentals of political and legal identity of Russians and constitutional values: A conceptual analysis. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, ekonomika, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya [The Bulletin of the Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies]*. Maykop: ASU Publishing House; 2012. Issue 2.

Zweigert K, Kötz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law. In 2 volumes. Translated from German. Moscow; 2000. (In Russ.). Vol. 1: Fundamentals. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурла Виктория Михайловна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ymburla@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria M. Burla, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ymburla@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 16 декабря 2024 г.
Статья получена после рецензирования 16 января 2025 г.
Принята к печати 15 августа 2025 г.*

*Received 16.12.2024.
Revised 16.01.2025.
Accepted 15.08.2025.*